

УДК 101

К.С. Кондратенко

Санкт-Петербургский гуманитарный

университет профсоюзов

Санкт-Петербург, Россия

kondratenkoks@inbox.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ТАНАТОЛОГИЯ КАК ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ «ОНТОЛОГИИ СМЕРТИ»

**[Kondratenko K.S. Philosophical thanatology as the experience of discourse
designing for onthology of death]**

The article is dedicated to one of the most important questions in philosophy – to the problem of death. The author analyzes modern attempts of solution of this problem using, first of all, the discourse of M. Heidegger as the main method of exploration. The phenomenon of death and the loss of dasein are death in time, death of time because time is subjective. Time comes to end with subject's death. But our life is being to death, is fear of uncertainty and fear of loss of ourselves. Thus death as that escapes from subject's judgment because it does not exist in experience. Also the article considers thanatology as modern philosophical trend which tries to form the philosophy of death in quality of independent trend, in turn that generates a lot of problems.

Key words: onthology of death, philosophical thanatology, being to death, presence, modern philosophical trends, death, dasein.

К феномену смерти обращалось и обращается огромное число философов, поэтов, художников, религиозных деятелей. Целое направление т.н. философских танатологов (в России возглавляемых М. Шенкао) занимается этой проблемой, ищет аспекты смерти в ментальности народов и описывает зафиксированные факты клинической и трансперсональной психологии. В религиозных кругах выходит большое количество подобной литературы, и наиболее ценный вклад в развитие религиозно-философской танатологии внес американский о. Серафим (Роуз), автор известного труда «Душа после смерти» [4].

В философии XX в. лучшее, что было написано на интересующую нас тему - это труды Мартина Хайдеггера. С опорой на его концепцию бытия к смерти мы проводим наше исследование. Размышление о смерти приводит нас к ряду вопросов. Они выглядят следующим образом: Возможно ли понять смерть? Что означает бытие к смерти? В чем заключается проблема философской танатологии?

Феномен смерти и утрата присутствия

Для начала обозначим, что существует два вида смерти. Первая – это та, которую можно отделить от жизни, вторая – та, которая является противоположностью рождения. В первом смысле мы определяем смерть в общем меоническом виде, как потенциальную жизнь, второй же случай следует рассмотреть подробнее. Если внимательно приглядеться к меоническому смыслу, то мы обнаружим в нем три разных значения: небытие, которое скорее есть, чем нет (назовем его рождением); небытие, которое и есть и нет одновременно (смерть в узком смысле); наконец, небытие, которого скорее нет, чем есть (то, что находится между смертью и рождением, назовем это отсутствием. Понятие «отсутствие» не является попыткой найти недостающее звено в концепции Хайдеггера и, тем более, не должно звучать как насмешка над его «присутствием». Перед таким отсутствием, пробелом бытия человек Кьеркегора стоит в страхе и трепете, находясь в состоянии, близком к экзистенциальному отчаянию. Об отсутствии говорит современный автор Avron Kulak, [1] отсутствие исследует Евгений Торчинов [5].

Рождение и смерть здесь обладают уникальным феноменом: не являясь полными антиномиями – в отличие от антиномий удовольствие-боль, радость-наказание, полезное-вредное, истинное-ложное и пр., они стремятся к тождественности. Иными словами они существуют одновременно, если к ним вообще приложимо понятие времени. Уже в этом утверждении таится серьезная проблема.

Поскольку рождение и смерть, т.е. начало и конец бытия-в-мире, актуально не развернуты в настоящем, постольку мы имеем право говорить об их тождественности, именно потому, что настоящее выносит их за скобки. В некоторых случаях они достигают тождественности (когда оба принадлежат прошлому или будущему), в некоторых лишь стремятся к ней (когда одно в прошлом, а другое в будущем). Есть смысл говорить о временности начала и конца, однако, эта временность уже-лишь-наличного, или еще-не-бытия-в-мире, утраченная временность присутствия.

Поскольку смерти и рождения нет в настоящем, а лишь в прошлом и будущем, то уловить их невозможно потому, что даже если бы мы и обладали памятью и знанием о них, то воскрешали бы их в памяти в настоящем, то есть переживали бы заново, а, значит, и смерть и рождение воспринимались бы нами исключительно как копия. Время как бы проскакивает фазу рождения, смерти и отсутствия. Но даже если бы мы и обладали, что трудно себе представить, настоящим мезонической смерти, то жизнь, бытие в узком смысле, т.е. противоположность смерти, облеклись бы в оболочку ничто, и бытие стало бы не только не тождественным ничто, но парменидовским небытием, чистой лишенностью, о которой мы бы даже не могли сказать что-либо. Времени в чистой лишенности не существует, следовательно, по Хайдеггеру, нет и бытия, а это невозможно.

Понять, тем самым, смерть нам мешает присутствие: «...коль скоро присутствие «экси-стирует» так, что в нем просто нет больше несостоявшегося, оно сразу стало уже-не-присутствием. Отнятие бытийной недостачи означает уничтожение его бытия. Пока присутствие как сущее есть, оно своей «целости» никогда не достигло. Добудь оно ее, однако, и добыча станет прямой утратой бытия-в-мире. Как сущее оно тогда никогда уже больше не узнаваемо» [6, с. 126-127].

Ранее мы указывали на то, что между смертью и рождением (а не рождением и смертью, иначе это называлось бы повседневностью) находится отсутствие. Это то, что снимает антиномичность рождения и смерти, когда одного уже нет, а другого еще нет. Здесь же Мартин Хайдеггер не дает четких разъяснений. Если рождение и смерть даны хотя бы как феномен, и их можно, хоть и нецелостно, уловить в бытии (феноменологически, экзистенциально и даже деконструктивно), то отсутствие есть предел нашего познания. Рождение и смерть, соответственно, состоят из элементов присутствия и отсутствия.

Что есть отсутствие и является ли оно частью бытия? Неплохой ответ на этот вопрос дает Платон: сущее есть и есть только как способность быть чем-то [2]. Следовательно, отсутствие обладает способностью быть ничем, оно есть, но стремится к ничто, поэтому мы и назвали его отсутствием. И если бы мы обладали способностью в момент отсутствия остановиться и посмотреть на бытие, то увидели бы полноту небытия.

Присутствие утрачивается со смертью, но смерть утрачивается с отсутствием. Смерть полагается в прошлом и будущем и лишь частично в настоящем, ускользая от него, отсутствие же, к которому стремится смерть, вообще не принадлежит настоящему, ускользая при этом и от прошлого, и от будущего, что делает чрезвычайно сложной попытку понять феномен смерти. И даже более того: понять смерть мы можем лишь наполовину, а в том, что следует за ней, пробел бытия, совершенно утраченный для присутствия, стоит лишь сомневаться, возможно ли познать его, – что ставит под сомнение истинные суждения и умозаключения о феномене смерти.

Бытие к смерти как модус присутствия

В самом понятии «бытия к смерти» заложено несколько моментов. Первый – момент становления, постоянной недостачи: «Еще не уже втянуто в его собственное бытие, и никак не произвольным определением, но конститутивом. Соответственно присутствие тоже есть,

пока оно есть, всегда уже свое еще – не. То, что составляет «нецелость» присутствия, постоянное вперед-себя, не есть ни недостача суммарной собранности, ни тем более ее пока-еще-недоступность, но такое еще-не, каким присутствие как сущее тем, что оно есть, имеет быть» [6, с. 131]. Второй момент – указание конкретной точки, когда бытие обнаружит свою целостность и в то же время утратит сначала целостность, а после – самое себя бытие. Недостача бытия заключается в небытии, небытия не хватает для целого, однако небытие раскалывает целое на части и уничтожает их. Третий – момент временности, означающий настоящее присутствия. Бытие к смерти как модус присутствия актуально в настоящем и только в настоящем. Именно во времени бытие к смерти разворачивает себя как бытие и как незавершенную структуру.

Поскольку речь идет о становлении, постольку мы вправе говорить о начале и конце такого развития. Ранее мы выяснили, что непосредственные начало и конец присутствия-в-мире, т. е. рождение и смерть, ускользают из настоящего. Следовательно, начало и конец присутствия не есть само присутствие, еще не или уже не обладающее бытием к смерти. Присутствие конституирует бытие к смерти только после факта рождения.

Бытие к смерти как бытие имеет несколько модусов: бытие-там, бытие-вот, бытие-здесь. Они выявляют различное соотношение наличности и присутствия, присутствия и временности.

Бытие-к-смерти-там обнаруживает актуальную неразвернутость присутствия при установке на целость сущего, а не бытия. Это возможно лишь тогда, когда смерть понимается как феномен, зачастую не имеющий отношения к сущему. Страх смерти в этом случае часто смешивается и отождествляется со страхом жизни. Сам же феномен смерти может быть рассмотрен как иллюзия жизни, как составляющая бытия-в-мире.

Если бытие-к-смерти-там отодвигает присутствие на второй план, то *бытие-к-смерти-вот*, напротив, уравнивает присутствие и наличность через постановку вопроса о смерти: является ли смерть, принадлежащая мне, утратой бытия или утратой лишь сущего? Хайдеггер, отдавая предпочтение *existentia* перед *essentia*, указывает на несводимость бытия как к таковому. Бытие сущего – это бытие-в-мире, разрушающееся со смертью. Тем не менее, об утрате сущего или совокупности сущего в составе бытия нам говорит такая интерпретация присутствия, как забота. «Тяготящая онтически «пустота» и «обобщенность» экзистенциальных структур имеет свою *особую* онтологическую определенность и полноту. Так что целое устройства присутствия само в своем единстве не просто, но обнаруживает структурное членение, приходящее к выраженности в экзистенциальном понятии заботы». [6, с. 108] Забота, тем самым, выявляет структуру бытия. Для бытия-к-смерти-вот не имеет значения, каким образом мы решаем вопрос об утрате. Более важно то, что он уравнивает сущее и бытие в присутствии.

Установка «вот» в то же время позволяет актуально развиваться присутствию и схватить бытие в едином акте познания. Присутствие-вот реализуется не только как бытие-в-себе, но и как актуальное бытие. Такое состояние характерно лишь для бытия-вот, что утрачивается с *бытием-к-смерти-здесь*. Казалось бы, что близость смерти должна сопровождаться острым ощущением жизни. Чем ближе смерть, тем более наполнено опытом бытие. Но это не совсем так. Осознание утраты целого бытия ведет к тому, что присутствие вновь отходит на второй план. Неизбежность конца делает акцент на сохранение сущего, так как уничтожение целого бытия становится слишком очевидным. Парадокс в том, что с разными основаниями «далеко» и «близко» приходят к одному выводу: сущее важнее бытия. Мы не должны в этом случае рассуждать о ненормальности такого *status quo*. Становящееся бытие оправдывает эту установку, так как «слишком далеко» со временем станет «еще не близко, но уже не далеко», а «слишком близко» - отсутствием.

Смерть ставит человека в положение, когда он начинает смотреть на вещи через две призмы – рациональную («до смерти») и иррациональную («после смерти»). Первая заключается в бытии к смерти, которое выражено в понятиях и охватывает область «после рождения и до смерти», т. е. жизнь. Вторая – это философский камень преткновения. Ранее мы уже по-

казали, что уловить смерть невозможно, поскольку она ускользает от настоящего, а если было бы возможно, то в настоящем не стало бы нас самих. Но это о самом моменте смерти, разграничивающему «до» и «после». Состояние «после смерти» мы обозначили как отсутствие, которое непрерывно выпадает из бытия и времени, пробел бытия, стремящийся в ничто. В этом коренится сложная проблема: с одной стороны, рождение и смерть являются основной рабочей антиномией опыта (имеется в виду свойство присутствия), с другой – смерть в опыте неуловима, поскольку исчезает само присутствие. Поэтому мой опыт смерти становится абсурдом, поскольку одновременно полагает смерть моего опыта. Следовательно, реально только бытие к смерти.

Проблема современной философской танатологии

Термин «танатология» в медицине (где он и появился) используется в определенном узком смысле. Медицинская танатология охватывает область наблюдений за процессами умирания: время процесса смерти, причина смерти, состояние головного мозга в момент смерти и пр. В науке не возникает вопросов, что считать танатологией и чем она занимается, так же, как, например, понятно, что такое криминалистика или судебно-медицинская экспертиза. Но при переносе термина в область философии и гуманитарных дисциплин возникает масса вопросов.

Первое, на что стоит обратить внимание, это вывод второго параграфа. Смерть неуловима и не дана в опыте, поскольку ее нет в настоящем. Иными словами, исчезает объект исследования философской танатологии. На это указывает известный исследователь философских проблем К. Г. Исупов: «Самое поразительное то, что танатология - это наука без объекта и без специального языка описания; ее терминологический антураж лишен направленной спецификации: слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логического топоса проблемы, в плане виталистского умозаключения, в контексте неизбежной жизненности» [3, с. 109].

Танатология изучает проблемы смерти только со стороны фактической, формальной, абстрактной, но не реальной жизни. Объект исследования танатологии – смерть – абстракция, лишенная реального содержания. «Танатология молчаливо разделила участь математики или утопии, чьи "объекты" - суть реальность их описания, а не описываемая реальность. Если в архаическом мифе и образах искусства смерть еще может получать эстетические объективации; если историческая психология изучает эволюцию идеи смерти, что позволяет выйти на специфическую типологию культуры, то философия смерти так и не родилась: проблемная фактура танатологии без остатка проецируется в витальный план». [3, с. 109]

Следовательно, во-вторых, философская танатология не имеет четко очерченных границ области исследования, что ставит под сомнение дисциплинарность танатологии. Исследователь-танатолог может изучать труды философов, касающиеся проблемы смерти, явления смерти, описанные в художественной или научной литературе, рассказывать случаи из личного опыта или, как это делает М. Шенкао в своем диссертационном исследовании, [7] анализировать различные ментальные установки и воззрения различных народов. Поэтому ставить философскую танатологию в один ряд с гносеологией, социальной философией или аксиологией не представляется возможным.

Наконец, в-третьих, сомнительно само понятие «философской танатологии». Оно упускает один важный для философии момент – онтологию. В начале эссе мы показали, что смерть принадлежит небытию, она внебытийственна. «Смерть не имеет собственного бытийного содержания. Она живет в истории мысли как квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий» [3, с. 109]. Если нет бытия, то нет и онтологии, а, значит, нет и философии. Онтология смерти – это неразрешенный вопрос, проблема, сомневающаяся в своей проблемности. Название этого эссе в настоящее время является в философии абсурдом, требующим к себе пристального внимания. Разрешение проблемы смерти и небытия – это первая задача современной философии.

Литература

1. *Avron Kulak*. Divine and Graven Images: The Contemporaneity of Theory and the Bible / Difference In Philosophy of Religion. Burlington, Ashgate Publications, 2003.
2. Диалоги Платона. Софист // <http://psylib.org.ua/books/plato01/23sofis.htm>
3. *Исупов К.Г.* Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3.
4. *Серафим (Роуз) иером.* Душа после смерти. СПб., 1994.
5. *Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб, 2005.
6. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
7. *Шенкао М.А.* Основы философской танатологии. Черкесск, 2002.

References

1. *Avron Kulak*. Divine and Graven Images: The Contemporaneity of Theory and the Bible / Difference In Philosophy of Religion. Burlington, Ashgate Publications, 2003.
2. Plato's Dialogues. Sophist // <http://psylib.org.ua/books/plato01/23sofis.htm>
3. *Isupov K.G.* Russian Philosophical Thanatology // Voprosy filosofii. 1994. № 3.
4. *Fr. Seraphim (Rose)*. The Soul after Death. Saint-Petersburg, 1994.
5. *Torchinov E.A.* The Paths of Philosophy East and West: knowledge of the beyond. Saint-Petersburg, 2005.
6. *Heidegger M.* Being and Time. Moscow, 1997.
7. *Shenkao M.A.* Fundamentals of Philosophical Thanatology. Cherkessk, 2002.

---

3 марта 2014 г.